

Слободан Пайович (Сербия)

Понятие интеграции в латиноамериканской мысли

В статье рассмотрены две темы — формирование латиноамериканской мысли как самостоятельного явления и ее значение для процесса экономической, политической и культурной интеграции региона.

Ключевые слова: латиноамериканская мысль, CEPAL, экономическая и культурная интеграция, модель экономического развития.

У мысли нет границ. Но осознанная идентичность, несомненно, позволяет мыслить свободно и в то же время по-своему.

Томас Элой Мартинес

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ МЫСЛЬ?

Прежде чем определить, какое место в латиноамериканской мысли занимает интеграция, необходимо сказать несколько слов о том, существует или не существует эта мысль как феномен, требующий изучения и анализа. В многочисленной научной литературе на эту тему превалирует тезис о том, что существует самостоятельная «латиноамериканская интеллектуальная история», основанная на широкой политико-социальной, экономической и философско-культурной мысли. Понятие «латиноамериканская интеллектуальная история» включает в себя совокупность идей, воззрений, постулатов и представлений, которые были выработаны в Латинской Америке при анализе идентичности, культуры, социума, экономики, политики, идеологии, религии, философии, т.е. в целом — истории. Следовательно региональное мышление есть широкое понятие, охватывающее основные темы исторического развития Латинской Америки¹. На самом деле интеллектуальная история как понятие действует гибко и вне создаваемых систем, оно выделяет в них соответствующие компоненты, которые представляют собой так называемые «идеи-ядра». При распространении последние обретают собственные силу, динамику и характеристики, способные ока-

---

¹ Слободан Пайович — профессор, директор Департамента по изучению стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Университет Мегатренд, Белград, Республика Сербия (spajovic@magatrend.edu.rs).

зывать влияние большее, чем первоначальные «идеи-ядра»². Точно так же как мысль не имеет границ, так и не существует универсальной мысли, поскольку нет универсальных решений различных проблем, которые возникают и взаимодействуют в разных странах мира, конфликтуя или сосуществуя друг с другом.

Однако, поскольку имеются различные подходы, позиции и интерпретации, существуют проблемы определяющего характера. Отправной точкой здесь является тезис о том, что латиноамериканская мысль начинает проявляться более конкретно незадолго до обретения этими странами политической, экономической и культурной независимости, поскольку новые нации искали собственную манеру чувствовать, мыслить и говорить об «американском» и «национальном». Латиноамериканская мысль возникает как подвижный аналитический феномен, претендующий на то, чтобы дать оригинальное и одновременно творческое объяснение новому и очень сложному региональному контексту. Другими словами, она не ограничивается лишь теоретическими внерегиональными моделями, а наоборот, опираясь на них, выстраивает собственное видение новых исторических условий, которые характеризуются высокой степенью противоречивости³.

Термин «латиноамериканская мысль», понимаемая как совокупность идей о судьбах Латинской Америки, был введен в научный оборот в 40-е годы прошлого столетия. С того времени растет число научных публикаций, посвященных выдающимся интеллектуалам XIX и XX вв. Тогда же появилась и фигура латиноамериканского мыслителя как ключевого элемента в понимании процесса интеллектуального развития региона. Латиноамериканских мыслителей следует воспринимать как интеллектуалов, которые находятся в постоянном поиске ответов на вызовы, стоящие перед их странами и регионом в целом. Так появляются различные политические проекты и концепции подхода к изучению истории и культуры, доказывающие, что необходима четкая собственная позиция⁴.

В любом случае можно утверждать, что в Америке думают по-иному, чем в Европе, ведь мысль возникает не только на базе великих философских систем, а также благодаря анализу корней и основных характеристик сложной идентичности в самом широком понимании этого слова, которая интегрируется и распадается в ходе различных процессов формообразования. Уже с середины XIX в. Латинской Америке стали говорить о том, что не существует универсальной философии, так как нет универсальных решений проблем, составляющих собственно ее суть. Исходя из этого каждая страна, каждая эпоха, каждый философ имеют собственную философию, которая с большим или меньшим успехом распространяется в течение того или иного отрезка времени именно потому, что каждая страна, каждая эпоха и каждая философская школа «выработали присущие именно им решения проблем человеческого духа» — писал Хуан Баутиста Альберди — один из величайших аргентинских мыслителей, инициатор разработки конституции Аргентины⁵.

Эти размышления помогают понять тот факт, что латиноамериканская история всегда использовала идеи, касающиеся таких областей, как политика, социум, экономика, юриспруденция, образование, религия, искусство и в некоторой степени наука и философия, чтобы создать новый исторический подход к изучению всего комплекса идей, зародившихся в этой части мира. Речь идет о возникновении не известного ранее понимания истории и идентичности, а не просто философского метода. На укоренение подобного понимания оказало влия-

ние, помимо различного рода научных течений, глубокое критическое осмысление действительности, которое привело к серьезной ревизии в интеллектуальной сфере, придав историчность всему мышлению той эпохи. Именно благодаря этой историчности история идей ассоциируется с «поворотом вокруг себя латиноамериканского философского сознания»⁶.

Народы Латинской Америки должны были усвоить исторический опыт эпохи колониального господства, затем преодолеть его последствия в политике, экономике, культуре и религии и параллельно найти новые принципы формирования собственной идентичности и выработать идеологические концепции, чтобы включиться в изменившийся международный контекст в качестве молодых независимых демократических государств. Поэтому изучение латиноамериканской мысли должно опираться на глубокое знание народов, составляющих эту огромную географическую зону, которая простирается от Рио Браво до аргентинской Патагонии и Антилских островов⁷.

Таким образом, «латиноамериканская мысль» — это результат многочисленных и разнообразных интеллектуальных усилий всего региона. На начальном этапе, в течение XIX в., она отражала постоянный поиск собственной исторической идентичности, равноудаленной как от Европы, так и еще более от Северной Америки. Этот период ее развития дал человечеству таких великих мыслителей, как С.Боливар, А.Бельо, Х.Марти, которые предприняли попытку объяснить, что есть для их народов политическая, экономическая и культурная независимость, опираясь в основном на постулаты утопического идеализма и на богатое культурное, этническое и языковое наследие Латиноамерики. Однако их концепциям противостояли идеи Д.Сармьенто и тех мыслителей, которые считали, что латиноамериканская культура — это просто копия европейской культуры, результат ее распространения⁸.

Представляется, что латиноамериканский мыслитель пытался изменить многие стереотипы, сложившиеся в отношении Латинской Америки как в самом регионе, так и за его рубежами. Для него «мыслить» означало активно «служить», выстраивая такую политическую линию, которая указывала бы путь, другими словами, он предлагал решение⁹. Таким образом на основе междисциплинарного подхода были выдвинуты различные предложения, или альтернативы, в форме многочисленных «идей-суждений» или «идей-понятий» о Латинской Америке, что стало результатом развития всего спектра интеллектуальных размышлений и попыток дать определения понятиям «мы» и «наше».

Однако во второй половине прошлого века мы все чаще задавались вопросом, есть ли у стран Латинской Америки общая история. Ответов много, причем самых разных, включая и те, что обусловлены и отягощены различными политическими и идеологическими интерпретациями. Здесь следует отметить, что существует даже отдельная терминология, которая доказывает существование различных подходов к этой теме: «Америки», «Испаноамерика», «Индоамерика», «Латиноамерика», «Ибероамерика» и «Лусоамерика». За этим терминологическим разнообразием скрываются определенные идеологические подходы.

Все это позволяет нам сделать вывод, что тема латиноамериканской интеграции в самом широком смысле, включая и образ мышления, возникает из самой действительности и из тех задач, которые эти страны и народы должны были решать, определяя свое будущее. В этом смысле следует оце-

нить то наследие исторического латиноамериканского опыта, который породил собственное региональное сознание, имевшее и продолжающее иметь различные формы проявления. Это дает основание говорить, что в результате многообразного взаимодействия сейчас Латинская Америка — это, может быть, регион, где с исторической точки зрения имеют место наибольшие усилия в сфере региональной кооперации и интеграции¹⁰.

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ИДЕНТИЧНОСТИ

Основная гипотеза изложения в данном эссе заключается в том, что самый высокий уровень взаимодействия латиноамериканских стран наблюдается в сфере региональной интеграции. При этом само понятие «интеграция» рассматривается в самом широком смысле, включая внутри- и междисциплинарный уровень, и с учетом, естественно, особенностей ее проявления и содержания. Без сомнения, многочисленные интеграционные идеи имели огромное влияние в период формирования латиноамериканской мысли, и именно поэтому латиноамериканские интеллектуалы приложили максимум усилий к тому, чтобы найти собственные интерпретации, формулировки и даже ответы на национальные и региональные вызовы своего времени. В конечном счете, на вопрос, существует или не существует понятие латиноамериканского интеграционизма, можно ответить, синтезируя содержание дискуссий, которые велись и ведутся по сей день на эту тему. Однако при этом всегда надо учитывать, что речь идет о всей совокупности понятий и идей в отношении проектов и конкретных действий, направленных на формирование общей идентичности. Прослеживается целая динамика достижения согласия на различных этапах истории с целью соответствовать задачам и вызовам как каждой страны, так и региона в целом. Но в любом случае тема латиноамериканской интеграции как элемента идентичности была поставлена, проанализирована и использована с самых непохожих друг на друга политических позиций¹¹.

Вместе с тем некоторые авторы высказываются в том смысле, что Латинская Америка внесла свой собственный вклад в формулирование понятия «интеграция», подчеркивая воздействие вековой традиции размышления о судьбах регионального интеграционизма, которая уходит своими корнями ко временам предвестников независимости. И Ф. де Миранда, и «освободители» (С.Боливар, Х. Де Сан Мартин, Д.Морасан и т.д.), и мыслители XIX в. (Ф.Бильбоа, Х.М.Сампер, Х.Баутиста Альберди, среди прочих) и XX в. (а grosso modo от Х.Э.Родо до Р.Пребиша, к примеру) создали «интеграционистскую» традицию, которая в дальнейшем получила развитие в различных сферах общественной жизни — экономике, политике, праве, литературе, философии и т.д.¹².

Появление различных концепций интеграции было подобно мощному потоку идей в отношении единства Латинской Америки, которое при всех превратностях ее политического, экономического и культурного развития и составляет суть того, что называется «латиноамериканским регионализмом». Конвергенция изначальных постулатов формирования как отдельных наций, так и региона в целом хотя и отражала двойственность идентичности, построилась с учетом высокого уровня внешней уязвимости новых латиноамериканских государств. Чтобы защитить себя от колониальных, неоколониальных и империалистиче-

ских притязаний, они выработали понятие региональной идентичности как основополагающего элемента теории и одновременно средства защиты. Так, к примеру, возникла идея испаноамериканской конфедерации, которая, однако, исключала Соединенные Штаты, поскольку они являлись центром гегемонизма в Западном полушарии, а также Бразилию, так как она не входила в Испанскую Америку¹³. Как известно, Боливар был ярким сторонником так называемого «освободительного испаноамериканизма», выступая за создание конфедерации новых государств. Панамский конгресс, созданный им в 1826 г., представляет собой первую попытку институционализации регионального взаимодействия перед лицом внешней угрозы. Это историческое событие можно интерпретировать также и как первую инициативу, направленную на укрепление интеграционных связей между странами региона при опоре на принципы и нормы зарождавшегося тогда международного права¹⁴. Вклад испаноамериканизма в его развитие можно выразить следующим образом: а) совместная защита суверенитета; б) разрешение конфликтов мирным путем, арбитраж; в) территориальная целостность («чем владеешь, тем и будешь владеть»); г) экономическое сотрудничество; д) невмешательство и признание правительств; е) другие принципы, такие, как, к примеру, общее американское гражданство¹⁵.

Таким образом, феномен латиноамериканского регионализма, основанного на принципах интеграции, заслуживает всестороннего изучения и отражает новаторский, диверсифицированный и проверенный временем опыт в развитии широкого сотрудничества и интеграции на уровне целого региона¹⁶. Эта тенденция представляет собой стремление сохранить и укрепить автономию посредством различных проектов в области взаимодействия и интеграции с целью найти решение основных проблем региона и дать ответы на встающие перед ним вызовы¹⁷. Следует в этом контексте отметить символическое значение и влияние «боливаризма» в политике, «ариелизма» — в культурно-философской сфере, «панамериканизма» — в торгово-экономическом и гегемонистском плане, а также рассмотреть «индихенизм» со всеми его социальными, культурными и лингвистическими особенностями, проявлениями и влиянием, вплоть до национализма, опирающегося на идеи, скажем, Х.Марти. Представляется, что латиноамериканская мысль по мере ее развития одновременно насыщается и подпитывается интеграционистским сознанием, которое не утрачивалось даже в те периоды истории, когда превалировали националистические тенденции (к примеру, под влиянием «доктрины национальной безопасности» как основного принципа существования военных и диктаторских режимов в 60—70-е годы прошлого века)¹⁸.

Следует сказать, что обретение независимости государствами Латинской Америки дало толчок прогрессивному развитию интеграционистских отношений, что проявилось в значительно более высоком уровне взаимосвязи, чем давали традиционные двусторонние отношения. Если говорить о характере и объеме их взаимодействия в течение XIX в., то здесь необходимо подчеркнуть, что они устанавливались в зависимости от уровня близости позиций в самых различных сферах и при разном индивидуальном участии. Неодинаковость потенциала и уровня развития стран региона объясняли и существование некоторого недоверия, а также геостратегического и геоэкономического соперничества между ними, что приводило, как уже было отмечено, к разногласиям, конфликтам и гегемонистским устремлениям. Некоторые авторы даже говорят о «балканизации» Латинской Америки, т.е. ее ослаблении

именно в тот исторический период, когда усиливалась экономическая и политическая власть США, ставших самой могущественной экономической, политической и военной державой в Западном полушарии. С другой стороны, «большая игра», Американские конгрессы второй половины XIX в., проекты создания Лиги «Американский Союз» (1855 и 1865) доказывают, что помимо указанных выше тенденций и течений распространялись и идеи действительно антиколониального и объединительного характера, и именно они составляют историческую самобытную основу, на которую опирались будущие модели региональной интеграции в Латинской Америке, возникавшие начиная с 1960 г.

В течение всего XX в. на развитие концепции латиноамериканской интеграции оказывали влияние самые различные факторы, среди которых упомянем исторический позитивизм, утверждение либерализма как господствующей доктрины в политике и экономике, а также гегемонистскую позицию Лондона и Вашингтона, которая угрожала суверенитету и территориальной целостности этих стран. Кроме того, в более широком смысле следует учитывать и влияние мирового сообщества, включая последующий опыт экономической интеграции Западной Европы. Ко всему сказанному следует добавить и новый фактор, который в конце XX в. превращается в господствующую тенденцию, а именно, необходимость участвовать в глобализированной международной системе, используя присущие региону преимущества. Но следует заметить, что эта глобализация выявила наличие глубоких идеологических разногласий в Латинской Америке¹⁹.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА: ОБНОВЛЕНИЕ, УКРЕПЛЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ИДЕИ И ИНТЕГРАЦИИ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ

Совершенно очевидно, что латиноамериканские государства возрождают свою идентичность в самом широком ее понимании только после Второй мировой войны²⁰. Помимо появления и усиления так называемого «латиноамериканского национализма» заметную роль сыграло ускорение деколонизации Африки и Азии, что способствовало утверждению нового сознания в группе стран, которые впоследствии назовут государствами «третьего мира». В то время в Латинской Америке наблюдалось быстрое развитие общественных наук, прежде всего экономики и социологии, которые изучали в первую очередь понятие слаборазвитости и ее последствия. К этому можно добавить, что все теории относительно явления слаборазвитости, возникшие в научных кругах региона и той части мирового сообщества, что проявляла интерес к Латинской Америке, явились важным вкладом в дело изучения этого феномена, а также региональной интеграции.

Начиная с 50-х годов прошлого века эти усилия, с одной стороны, обрели конкретные очертания в форме десарролистских моделей, выработанных экспертами Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), и утвердили новое понимание роли и возможностей латиноамериканского региона в международной системе — с другой. Секретариат ЭКЛАК в поисках новых путей экономического и социального развития Латинской Америки сумел выработать собственное экономическое мышление, адаптировав теории зависимости и взаимозависимости к конкретным региональным условиям. Одновременно исследования ЭКЛАК способствовали расширению

разнообразия связей и взаимодействия латиноамериканских стран. Следует отметить, что иногда не учитывается тот факт, что Комиссия как и ее Секретариат играют объединительную роль, оказывая правительствам стран региона содействие в плане исследования и формулирования понятий, а также выработки конкретных предложений в области политики и экономики*.

Без сомнения, одним из ярчайших представителей этой экономической школы был аргентинец Рауль Пребиш, занимавший различные государственные посты в своей стране и за рубежом. Карьеру он начал как генеральный управляющий Центрального банка Аргентины (1935—1943), в 1949 г. занял пост руководителя Генерального секретариата ЭКЛАК, а затем Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД). Совершенно бесспорно, что Пребиш внес важный вклад в развитие латиноамериканской экономической мысли, став одним из создателей теории неэквивалентного обмена, которая давала ответ на вопрос, почему слаборазвитые страны, включая латиноамериканские, несли серьезные убытки в торговле с индустриально развитыми государствами. В своем «Исследовании экономики Латинской Америки» (1949) Пребиш утверждает, что при международном товарообмене сырье постоянно недооценивается, а когда речь идет о промышленных товарах, все происходит наоборот. Такая рыночная тенденция приводит к прогрессивному спаду на периферии, другими словами, развивающиеся страны вынуждены экспортировать все больше сырья, чтобы иметь возможность импортировать то же количество промышленной продукции. С целью переломить подобную негативную тенденцию Пребиш предложил проводить протекционистскую политику ускоренной индустриализации, т.е. импортзамещения, утверждая, что только путем быстрого развития промышленности Латинская Америка сможет улучшить свои позиции в мировой экономике. Таким образом, для Пребиша понятие экономической интеграции — это формула, которая поможет улучшить схему взаимоотношений «центр — периферия», т.е. уменьшить их зависимость и уязвимость от развитых капиталистических государств.

Основа его концепции развития и экономической интеграции — необходимость формирования общего регионального рынка и создания таким образом условий для ускоренной индустриализации. Пребиш полагал, что принять десарролистскую модель, т.е. модель развития, было бы легче, чем пытаться изменять неблагоприятную структуру экспорта латиноамериканских стран ввиду высокого уровня их зависимости от основных мировых центров-рынков, главным образом от США. Значит, выход в том, чтобы допустить большее вмешательство государства в экономику с целью индустриализации, но при этом всемерно продвигаться по пути регионального сотрудничества и интеграции, что приведет к росту внутрирегионального экспорта. Несомненно, на Пребиша как экономиста оказывали влияние неоклассические, марксистские и кейнсианские теории. Сегодня идеи Пребиша подвергаются серьезной критике, в первую очередь за провал модели импортзамещения, политики государственного интервенционизма и регионального протекционизма. Но и при такой критике со стороны нео-

---

* Важно отметить, что ЭКЛАК была и по сей день остается межправительственным форумом, в котором участвуют и некоторые промышленно развитые страны.

либералов интеллектуальное наследие ЭКЛАК занимает важное место в истории латиноамериканской экономической мысли, где ему можно отвести целую главу. Его влияние было весьма значительным как в регионе, так и за его пределами; оно превратилось в собственное интеллектуальное достояние, родившееся в Латинской Америке²¹.

В период с 1950 по 1980 г. экономика латиноамериканских государств росла быстрее, чем мировая (5,6% против 4,7%)²². Новые условия послевоенного времени и разработки ЭКЛАК побудили эти страны принять иную модель развития и начать процесс экономической интеграции как функционального условия укрепления регионального рынка. Вступили в действие амбициозные для того времени соглашения о создании зоны свободной торговли, введении единого таможенного тарифа в отношениях с третьими странами на определенный срок²³. Но на практике возобладали проволочки и уступки, что привело к тому, что либерализация взаимной торговли оказалась весьма ограниченной. Но и в подобных условиях в период с 1950 по 1970 г. в Латинской Америке был дан толчок промышленному развитию и активизации экономики: была диверсифицирована и модернизирована производственная структура в регионе и начато осуществление совместных проектов по совершенствованию инфраструктуры. Благодаря этому к 70-м годам Латинская Америка стала регионом самой быстрой индустриализации в развивающемся мире. Следует подчеркнуть, что еще в 1980 г. Бразилия, Мексика и Аргентина производили почти 80% готовой продукции всех развивающихся стран.

Но при анализе этого процесса мы убеждаемся в том, что поставленные в области экономики и интеграции задачи не были полностью выполнены, хотя он и способствовал укреплению отношений между латиноамериканскими государствами, увеличению объема внутрирегиональной торговли, диверсификации промышленного производства и усилению позиций региона в целом в переговорном процессе с различными участниками мирового сообщества²⁴.

Однако к 80-м годам XX в. указанная выше модель развития себя окончательно изжила, и регион вступил в полосу финансового кризиса и значительного спада в плане роста, социального прогресса и внутрिलाиноамериканской торговли. Но в наступившем затем так называемом «потерянном десятилетии» Латинская Америка встала на трудный путь политической демократизации и «экономического переобучения» в форме болезненного для граждан процесса экономических реформ неолиберального толка и производственной реконверсии. Приняв этот «рецепт» реформ, регион вынужден был пересмотреть традиционное понимание главенствующей роли государства и частного бизнеса, по-новому оценить вопросы планирования, отношений баланса между внутренним и внешним рынком, а также роль сельскохозяйственного сектора²⁵.

Нынешний этап экономического развития и интеграции в Латинской Америке также опирается на теории, разработанные ЭКЛАК, но сегодня речь в них идет о реализации новых экономических моделей, открытых для внешних участников. Действительно, мы можем констатировать, что в основе современной фазы развития экономической мысли в регионе лежат совершенно новые постулаты неолиберального толка. ЭКЛАК предлагает латиноамериканским правительствам принять следующие принципы: либерализация торговли; более конкурентные курсы обмена валют; стимулирование иностранных инвестиций; финансовая либерализация; усиление роли частного сектора; приватизация крупных госпредприятий.

На практике это означает, что ЭКЛАК сориентировала правительства стран региона на то, чтобы начать переходный процесс, направленный на адаптацию к условиям глобализированной экономики, характеризующейся растущей взаимозависимостью, географической специализацией и расширением транснационального производства²⁶. Согласно новой доктрине, ныне существует и действует концепция «открытого латиноамериканского регионализма», который помимо сказанного содержит и другой важнейший элемент — прагматичная и неформальная интеграция как наилучшая форма включенности отдельных стран и региона в целом в международный рынок при сохранении присущих им особенностей. Таким образом, интеграция как явление «обогадилась» принципами международной конкуренции и стимулирования либерализации. Следовательно, новый латиноамериканский регионализм является результатом как внутренних, так и внешних факторов, оказывающих огромное влияние на его развитие и углубление²⁷.

Новая политическая ситуация, сложившаяся в регионе в 80—90-х годах прошлого века, ознаменованная укреплением демократии и расширением прав человека, позволила сделать большой шаг в утверждении новой теории. Эта тенденция нашла отражение в создании различных механизмов, направленных на поиск и укрепление мира и демократии²⁸. Немало продвинувшись в этом направлении, Латинская Америка прошла этап широких консультаций и политических соглашений по основным проблемам региональной повестки дня, что позволило выйти за чисто экономические рамки и включить в интеграционный процесс вопросы внешней политики, сотрудничества в сфере защиты окружающей среды, проблемы региональной безопасности, положения коренного населения, борьбы с бедностью, наркотрафиком и терроризмом. В соответствии с поставленными целями был выработан новый идеологический подход, более широкий по сравнению с моделью экономической интеграции, действовавшей до «потерянного десятилетия». Увеличилось число разнообразных региональных объединений, создаваемых как правительствами, так и предпринимательским сектором, что способствует расширению индивидуальных и многосторонних контактов. Некоторые авторы считают, что особенность Латинской Америки состоит в том, что эти процессы не только содержат классические «четыре свободы» экономической интеграции, но и опираются на политику соглашений и сотрудничества, создание институтов и проведение общей субрегиональной, региональной и межрегиональной политики в самых различных областях²⁹. Помимо этого целью данных инициатив было демонтировать или реформировать институциональные и идеологические структуры, действовавшие в условиях прежнего подхода к региональной интеграции как к способу расширения классического национального протекционизма времен проведения политики импортозамещения. Однако новая модель роста, основанного на экспорте (*export-led growth*), не исключила внешнюю уязвимость в условиях крайней переменчивости мировой экономики и трудностей при ведении торговых переговоров с внешними партнерами, хотя и была нацелена на усиление присутствия Латинской Америки и укрепление ее позиций на рынках промышленно развитых стран. В целом можно сказать, что новый латиноамериканский подход к проблемам региональной интеграции включает в себя как «наступательные», так и «оборонительные» элементы, поскольку направлен на расширение регионального рынка и защиту его от рисков глобализации.

Итак, в начале XXI в. мы являемся свидетелями того, что интеграционный процесс в Латинской Америке вступил в весьма сложную фазу, поскольку происходит геополитическая и геоэкономическая перестройка региона. Он как бы перераспределяется между Соглашением о свободной торговле для Америк (Acuerdo de Libre Comercio para las Américas, ALCA)³⁰, Общим рынком стран Южного Конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur), Союзом Южноамериканских наций (Unión de las Naciones del Sur, Unasur)³¹ или Боливарианской альтернативой для народов Америки (Alternativa Bolivariana para nuestros pueblos de América, ALBA). Но до сих пор новая концепция интеграции не содержит в себе ни одного способа решения серьезных социальных проблем, таких, как бедность населения. Тем не менее важно подчеркнуть, что вырабатываются новые способы международной включенности региона, которые представляют собой новаторскую формулу ответа на те вызовы, которые ставит перед ним переходный политический и экономический процесс в сегодняшнем глобализованном и взаимозависимом мире. При этом вызывает большую тревогу нерешенность социальных проблем. Я имею в виду увеличение бедности и рост социальной и производственной маргинализации. Поэтому представляется, что латиноамериканцам следовало бы оставить в стороне евроцентризм и сосредоточить внимание на совершенствовании и обновлении образа региона и усилении действенности новых инициатив типа ALBA.

Появление проекта ALBA и его реализация удивительным образом породили новые принципы взаимодополняемости и солидарности, отличные от принципов конкуренции и свободной торговли, на которые опираются другие субрегиональные, региональные и межрегиональные проекты. Победа на выборах новых политических лидеров доказала, что традиционная демократическая модель, основанная на западном парламентаризме и системе политических партий, перенесенная на латиноамериканскую почву во время «потерянного десятилетия», не смогла решить основные проблемы, с которыми сталкиваются Венесуэла, Боливия, Эквадор, Никарагуа и другие страны. Исходя из этого можно утверждать, что латиноамериканская демократия переживает сегодня период серьезных изменений, и впервые в политической истории Латинской Америки почти 60% ее населения живет в условиях так называемых «режимов левого толка». Этот весьма широкий и гибкий термин позволяет охарактеризовать всю гамму различных идеологий, таких, как «чавизм», «индихенизм» Моралеса, «новый сандинизм» или «новый латиноамериканский популизм». Следовательно, можно утверждать, что нынешняя геополитическая и геоэкономическая ситуация в Латинской Америке — это результат появления нетрадиционных политических режимов, новых формул и способов решения сложнейших и противоречивых социальных, экономических задач и проблем маргинализации, которые явно противоречат принципам западной демократии и постулатами неолиберальной школы³².

Однако их принятие и воплощение потребует определенного разрыва с действующим ныне в Латинской Америке демократическим порядком, который серьезно ослаб после 20 лет господства и ортодоксальной реализации там неолиберальных норм и рецептов. Возросшая в результате этого бедность по всей Латинской Америке усилила там антинеолиберальные, антиглобалистские и антиамериканские течения в основном неопопулистского, неоиндихенистского и даже социалистического толка³³.

Сегодня появляется множество публикаций на тему интеграции Латинской Америки, что позволяет говорить о непосредственном вкладе региона в процесс оформления самой идеи интеграции. Следует подчеркнуть, что традиция размышления на эту тему имеет давнюю историю, что создает фундаментальную основу для развития латиноамериканской интеграционистской мысли в самых разных дисциплинах. Следовательно, одна из основных черт этого явления — ее мульти- и трансдисциплинарный характер, что и позволяет нам анализировать ее различные аспекты и влияние на настоящее и будущее развитие региона в целом.

Повторим, что концепция интеграции в латиноамериканской мысли формировалась различными способами и имеет множество характеристик, форм выражения и идеологического наполнения. С целью дополнить анализ генезиса этого явления представляется важным рассмотреть те исторические периоды, в которые эти инициативы зародились и более или менее широко распространились. За этим стоит, по нашему мнению, проблема формирования идентичности, всегда присутствовавшая в латиноамериканской истории. Разнообразные интеграционистские усилия должны быть рассмотрены и оценены как важный вклад интеллектуалов, которые, сформулировав многочисленные «идеи-суждения» или «идеи-понятия» о Латинской Америке, стали на практике участниками активного процесса размышлений о «нас» и о «нашем». Отсюда можно сделать вывод, что в течение всего периода независимости латиноамериканских стран создавался собственный интеллектуальный метод подхода к историческому наследию в самых разных областях — культуре, традициях, процессе формирования латиноамериканского населения³⁴, его социально-политической и экономической организации, а также в формировании идентичности в результате не всегда добровольного освоения исторического наследия Европы.

Наш краткий анализ показывает, что усилия, направленные на интеграцию в регионе, оказались наиболее успешными в сфере экономики и в экономической теории интеграции. Теоретики экономической интеграции выработали различные подходы, вначале к вопросам зависимости, взаимозависимости, попеременно придавая значение то первому, то второму, а затем стали склоняться к неолиберальным идеям. Это позволяло на каждом историческом этапе развития экономики понять, к примеру, что значит экономическая периферия, зависимость, таможенный союз, макроэкономическая политика, экономические преобразования, сотрудничество в валютно-денежной сфере региона в целом, общий рынок, международная включенность и т.д. Издано множество работ на эти темы, особенно в условиях активизации интеграционистских течений в послевоенный период и после окончания «холодной войны», в которых отражены различные позиции и подходы. Эти дебаты охватывают весь спектр основных вопросов развития экономики в Латинской Америке: латиноамериканский структурализм, политические партии, народные движения, формирование новой политической и экономической философии неопопулистского, индихенистского или социалистического толка уже в XXI в.

Говоря о важности темы интеграции в латиноамериканской мысли, нельзя не сказать и о значении так называемых «неформальных политических соглашений», представляющих собой новый элемент в развитии ла-

тиноамериканской мысли и повысивших уровень участия региона в системе международных отношений³⁵. Другими словами, они позволили государствам региона сформулировать собственную внешнеполитическую стратегию и проводить на ее основе соответствующую дипломатию. Речь идет о совершенно новом феномене в сфере международных отношений, который мы могли бы определить как «поддерживающие меры по развитию политического сотрудничества между странами региона, направленные на достижение одной или нескольких целей, ограниченных во времени и пространстве»³⁶. Основная черта подобных соглашений — это их неформальность, отсутствие жестких процедур и правил, нацеленность на решение сложнейших вопросов жизни стран региона. Конечно, можно поставить вопрос об эффективности их деятельности и сроках существования, но в любом случае следует утверждать, что они возникли как следствие накопления опыта в сферах развития сотрудничества, интеграции и политической координации, что и повлияло на формирование совместной повестки обсуждения различных вопросов. Тот факт, что в регионе появились подобные неформальные объединения, позволяет говорить о наличии целого комплекса идей и действий, явившихся результатом накопления огромного опыта и глубоких совместных размышлений о будущем региона и его международном статусе. Их действенность и гибкость со всей убедительностью показывает, что этот опыт может быть перенесен и на другие регионы, скажем в балканские страны Европы, где также необходим постоянно действующий консультационный механизм типа Группы Рио. Иными словами, пример Латинской Америки может быть полезен и актуален³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Испанский философ Хуан Маричал (Marichal) в своем произведении «Четыре фазы интеллектуальной латиноамериканской истории» подчеркивает, что иногда, когда речь идет о латиноамериканской мысли, даже евроцентристы высокого уровня проявляют неожиданное удивительное невежество. Подробнее см.: J. M a r i c h a l. Cuatro fases en la historia intelectual latinoamericana (1810—1970). Madrid, 1978.

² Ibidem.

³ Леопольдо Сеа в своей статье «Польша на острие нашего времени» размышляет о надежде как мифе и о десакрализации, т.е. говорит о серьезных вызовах, с которыми столкнулось христианство в условиях глобализации. По его мнению, самое важное при изменениях в технологиях и в трудовых отношениях — «защита людей, закона и культуры». Подробнее см.: L. Z e a. Polonia al filo de tiempo. — Revista del CESLA, 2004, N 6, p. 9—25.

⁴ Практика показывает, что латиноамериканский мыслитель отличается от образа классического европейского мыслителя и видит себя участником процесса национального и регионального освобождения. Он обращается непосредственно к обществу, используя форму эссе, которая оказалась наиболее подходящей для изложения позиции автора по политическим, экономическим, философским и историческим вопросам. Эссе как форма сохраняет актуальность и по сей день, являясь основным способом выражения своей позиции мыслителем, который обычно критически оценивает прошлое, чтобы проанализировать настоящее и попытаться увидеть будущее.

⁵ Подробнее см.: J. B a u t i s t a A l b e r d i. Ideas para un curso de filosofía contemporánea. — Ideas en torno de Latinoamérica. México, 1986, vol. 1, p. 146.

⁶ J. E. M i r a n d a R e g i n a. Filosofía latinoamericana. — www.robtext.com

⁷ C. A. B r i c e ñ o M o n z ó n. Unidad y diversidad de América. — Cuadernos de Historiografía. Mérida, 2004, N 2.

⁸ Кроме того, он считает, что «варварство», американское наследие навязываются цивилизации, носящей ярко выраженный европейский, т.е. испанский характер. Стоит обратить внимание на некоторые заголовки работ Сармьенто — «Цивилизация и варварство», «Кон-

фликт и гармония рас в Америке». В подзаголовке «Факундо» (1845) Сармьенто сформулировал девиз латиноамериканского либерализма: цивилизация и варварство. Для него варварство — это «...господство грубой силы, превосходство более сильного, безграничная власть и безответственность тех, кто правит, управляемое правосудие без форм и обсуждений». D.F.Sarmiento. Facundo. Madrid, 1931, p. 19.

⁹ H.Cerutti Guldberg. Nuestra América Hoy. — J.Martí. Nuestra América. Colección «Ideas y Semblanzas». Varsovia, 1991, p. 28.

¹⁰ A.VanKlaveren. Las nuevas formas de concertación política en América Latina. — H.Muñoz Valenzuela/F.Orrega Vacuña. La cooperación regional en América Latina. Diagnóstico y proyecciones. México/Santiago, 1987, p. 503.

¹¹ E.H.Heredia. relaciones internacionales latinoamericanas. 1. Gestación y nacimiento. Buenos Aires, 2006, p. 275—304.

¹² J.Briceno Ruiz, A.Rivarola Puntigliano. El pensamiento latinoamericano sobre la integración regional. — www.53ica.com/simposios/pol/1/pol6.pdf

¹³ Однако идеал латиноамериканской конфедерации вступил в полосу кризиса начиная с 1860 г. вследствие того, что новые страны предпочли сепаратно строить отношения с внешним миром, вместо того чтобы объединиться. В тот период межгосударственные отношения в регионе характеризовались недоверием друг к другу, что и стало причиной таких кровавых событий, как война Тройственного союза против Парагвая и война Чили против Перу и Боливии.

¹⁴ Алехандро М.Гарро в своей работе, посвященной вопросам гармонизации и унификации частного права в Латинской Америке, указывает, что большинство стран региона обычно рассматривают себя как целое, поскольку имеют общую, основанную на римском праве юридическую культуру или институционную форму либерального толка, восходящую прежде всего к североамериканскому конституционализму. Поэтому гармонизация и возможная унификация частного права в Латинской Америке опираются на ее лингвистическую и географическую идентичность, на общие религию и язык, на схожие обычаи, в целом одинаковые экономические, социальные, политические проблемы и на общие правовые принципы. Отсюда вытекают инициативы, направленные на правовую унификацию стран региона, первые шаги к которой были сделаны на Панамском Конгрессе 1826 г., созванном Боливаром, а затем она получила развитие в так называемых «Межамериканских, Американских или Панамериканских конференциях» (проходивших до 1954 г.) и уже в наши дни — в Специализированных межамериканских конференциях по вопросам частного международного права, которые проводятся начиная с 1975 г. в рамках ОАГ. Подробнее см.: A.M.Garro. Armonización y Unificación del derecho privado en América Latina: esfuerzos, tendencias y realidades. — www.juridicas.unam.mx/publica/librev

¹⁵ Подробнее об этом см.: R.Soler, R.Dario Rodríguez Patiño. Proyectos de unificación hispanoamericana durante el siglo XIX. — El pensamiento latinoamericano del siglo XIX. Quito, 1986, p. 77—82.

¹⁶ Надо помнить, что Латинская Америка как историко-культурная общность формируется в течение 150 лет — с начала борьбы за независимость в 1790 г. до окончания Второй мировой войны. Подробнее см.: C.Ramón. Historia de América Latina. Barcelona, 1978, p. 7—11.

¹⁷ Так, известный колумбийский писатель и дипломат Хосе Мария Торрес Каиседо (1830—1889) поддерживает проекты 1855 г. и 1865 г., касающиеся «Американского Союза». В 1865 г. в Париже он публикует свое известное произведение «Латиноамериканский союз. Идеи Боливара по формированию Американской Лиги». Его же перу принадлежит поэма «Две Америки», которую он написал в 1875 г.

¹⁸ В течение всего XX в. военные играли большую роль в политической истории Латинской Америки. С целью сохранения такого общественного строя, который бы гарантировал, воспроизводил и расширял экономические и политические блага господствующих классов, в Латинской Америке совершались многочисленные государственные перевороты, инициаторами которых были вооруженные силы. Долгие годы в некоторых странах существовали военные диктаторские режимы. В некоторых случаях, к примеру, в Никарагуа, Мексике и Парагвае, диктатуры сохранили в неизменном виде олигархическую форму власти, созданную в XIX в., при которой были максимально ограничены гражданские, политические и социальные права. Следует подчеркнуть, что большинство латиноамериканских военных прошли подготовку в Школе Америк (School of Americas), которая с 2001 г. стала называться Институт сотрудничества по вопросам безопасности в Западном полушарии (Western Hemisphere Institute for Security Cooperation). В период с 1946 по 1984 г. школа функционировала в Панаме, и в ней прошли подготовку 60 тыс. латиноамериканских военных и полицейских.

¹⁹ S.S.P a j o v I ć. Chavismo. A New Economic and Political Populism in Latin America. — *The Review of International Affairs*. Belgrade, 2009, N 1136.

²⁰ История Латинской Америки показала также, что постановка вопросов экономического развития способствовала совершенствованию идеи и процесса регионального единства. Кризис мировой капиталистической экономики, разразившийся с началом Первой мировой войны (1914) и закончившийся в 1929 г., включая период хаоса и неразберихи в мировой экономической системе времен Второй мировой войны, не только побудили страны Латинской Америки к индустриализации, но и явились еще одним стимулом для весьма успешного развития внутрорегиональной торговли. К 50-м годам прошлого столетия молодая латиноамериканская промышленная буржуазия столкнулась с необходимостью адаптироваться к новой структуре всемирной торговли и к процессу интернационализации капитала как следствие политики империалистических держав. Правительства того времени, воодушевленные идеями латиноамериканского национализма, серьезно рассматривали возможность поиска совместных решений, чтобы не стать изгоями мировой экономики. Другими словами, их цель заключалась в разработке и реализации оборонительной стратегии.

²¹ G.R o s e n t a l. 40 años de la CEPAL. — Nueva Sociedad. Caracas, 1988, N 96.

²² G.M a r t i n e r. América Latina hacia 2000: opciones y estrategias. — *Ibid.*, 1986, p. 19—21.

²³ ALALC—ALADI, MCCA. Pacto Andino, Pacto Amazónico, Cooperación en la Cuenca del Río de la Plata, etc.

²⁴ B.A l e n d a r. Latinskoamerika integracija. — *Mejdnarodni problemi*, 1986, N 2—3.

²⁵ M.A g o s t í n. Las experiencias de liberalización comercial en América Latina. — *Pensamiento Iberoamericano*, 1992, N 21.

²⁶ A.V a n K l a v e r e n. América Latina en el sistema internacional: los desafíos a la adaptación. Santiago de Chile, 1993.

²⁷ Среди внешних факторов, которые повлияли на развитие нового латиноамериканского регионализма, можно упомянуть изменения в международной ситуации, произошедшие в результате распада биполярного мира. Они определили новое место Латинской Америки, что выразилось в расширении и диверсификации международных отношений в целом. Конечно, они включают США, хотя характеризуются некоторой напряженностью в вопросах демократии, прав человека, экологии и наркотрафика. Также они включают блок АТР с момента формирования новых политических и экономических контактов с Японией, КНР и Южной Кореей. Естественно, эти отношения включают Евросоюз и Россию. В процесс структурирования новых международных связей включились с начала 90-х годов и латиноамериканские страны, когда началась политическая консолидация региона в результате его окончательного поворота к демократии при одновременном укреплении неолиберальной модели.

²⁸ Речь идет о Контадорской группе, Группе Лимы, о процессе мирного урегулирования в Центральной Америке (Эскипулас I и II), о Группе Рио, Тройке Группы Рио, о Картахенском Соглашении и т.д.

²⁹ J.A.S a n a h u j a. Regionalismo e integración en América Latina: balance y perspectivas. — www.pensamientoiberoamericano.org

³⁰ 2005 г. означал провал проекта ALCA в форме и на условиях, навязанных США, хотя и являлся стратегической основой Вашингтона в его взаимоотношениях с латиноамериканским регионом. Идея создания единого рынка с 34 латиноамериканскими странами предполагала прежде всего укрепление гегемонии транснациональных компаний, в большинстве своем американского происхождения, и проведение глубоких структурных изменений, т.е. продолжение политики неолиберализма. В Латинской Америке возникли многочисленные социальные движения, в конечном счете приведшие к провалу североамериканской дипломатии в ее попытках навязать ALCA. Одновременно некоторые страны региона приложили немало усилий, чтобы превратить расширенный Mercosur в альтернативу для достижения региональной интеграции.

³¹ Союз южноамериканских наций — это новый интеграционный проект всестороннего сотрудничества, в который входят Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайана, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор. Учредительный договор был подписан в Бразилии 23 мая 2008 г. Штаб-квартира Генерального секретариата Unasur находится в Кито, и предполагается, что штаб-квартира его Парламента будет находиться в Кочабамбе (Боливия). Основная цель объединения — достижение общими усилиями южноамериканской интеграции и создание союза наций в сферах политики, экономики, социума и культуры. Важно подчеркнуть, что в 2000 г. также была создана организация Интеграция южноамериканской региональной инфраструктуры (Integración de la Infraestructura Regional

Suramericana, IRSA), задача которой — стимулировать интеграцию и модернизацию физической инфраструктуры на уровне регионального южноамериканского пространства.

³² Для лучшего понимания этих изменений следует проанализировать характер дискуссий, которые сегодня ведутся в научных кругах Латинской Америки. Например, проф. Карлос Маламуд Риклес из Института Элькано (Мадрид) на страницах «El País» полемизирует с Карлосом Фуэнтесом по вопросам демократии в регионе. Карлос Фуэнтес опубликовал статью под заголовком «Латиноамериканская демократия: стремление, реальность и угроза», в которой дан глубокий анализ будущего латиноамериканской демократии, выборов и роли политических партий. Его позиция строится на вопросе: «Сколько бедности может терпеть демократия?», на что Маламуд отвечает тоже вопросом: «А разве демократия должна давать пищу?». Подробнее об этом см.: C.F u e n t e s. Democracia latinoamericana: anhelo, realidad y amenaza. El País. Madrid, 15.V.2001; C.M a l a m u d. El País, 19.VI.2001.

³³ Следует отметить, что президент Венесуэлы Уго Чавес Фриас неоднократно подчеркивал, что он не марксист и что у него нет марксистского проекта для Венесуэлы. Однако в 2005 г. в одном из своих выступлений он впервые определил венесуэльскую революцию как социалистическую. По его словам, чтобы определить «социализм XXI века», надо искать его корни не в европейской, а в латиноамериканской мысли, вернее, в заветах С.Боливара. Неоднократно Чавес объяснял, что «социализм XXI века» — это путь к построению нового общества на континенте, переживающем кризис и крайнюю нужду. Это общество будет построено усилиями профсоюзных, индейских и общественных движений и при участии возрожденных левых сил, которые все вместе дистанцируются от схем и ошибок евросоветской модели. И опять же прибегает к формулам-концепциям чисто американского происхождения. Подробнее см.: F.G o n z á l e z. ¿El gobierno de Chávez es comunista, neoliberal o populista? — Cuadernos de Estudios Latino-Americanos. Porto, 2006.

³⁴ Хосе Васконселос (1882—1959) — мексиканский философ, просветитель и политик, один из выдающихся мексиканских и латиноамериканских интеллектуалов. Приблизительно в 1910 г. занял жесткую антипозитивистскую позицию и выступил против режима Порфирио Диаса, положив начало течению, направленному на обновление идеологии и политики. Объяснив эволюцию Вселенной и реструктуризацию ее космической субстанции с точки зрения физики, биологии и человека, он сформулировал термин «космической расы». Он изложил свое мнение относительно роли коренного населения и индейско-испанской метисации, подчеркнув, что термин «раса» (имеется в виду «космическая раса») определяет процесс метисации, который вначале имел место в Латинской Америке. Вместе с тем, говоря о «космической расе», он отмечает, что в латиноамериканцах течет кровь трех рас: белой (европейские колонизаторы), желтой (коренные индоамериканцы) и черной (африканские рабы). Тем самым латиноамериканцы превосходят людей Старого Света как более многообразный и богатый по своим возможностям человеческий тип.

³⁵ Постоянно действующий механизм Консультаций и политического соглашения, известный как Группа Рио, — это латиноамериканский консультационный орган, который ежегодно проводит встречи на высшем уровне (главы государств и правительств). Он был создан в 1986 г. с целью обеспечения региону достойного места в мировом сообществе в условиях распада биполярного мира и стимулирования согласованного социально-политического и экономического развития. Считается, что Группа Рио стала альтернативой ОАГ, находившейся под контролем США.

³⁶ S.S.P a j o v i é. Concertación política regional: el caso del Grupo de Río. Belgrado, 1996, p. 71—79.

³⁷ Подробнее о заинтересованности балканских стран в латиноамериканском опыте см.: S.S.P a j o v i é. El legar de América Latina en las políticas exteriores de los países balcánicos en la actual fase de acercamiento a la Unión Europea. — Europa Centro-Oriental y las iniciativas latinoamericanas de la Unión Europea. Varsovia, 2006, p. 139—191.

Перевод с испанского А.САЛТАЙС